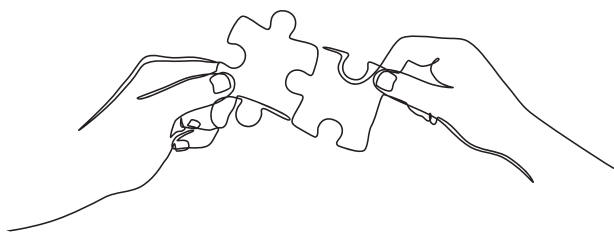

Плей-лист

1. Saveus — Rainman
2. Hedley — Parade Rain
3. Скрэт — Без тебя
4. Amirchik — Девочка-весна
5. Chase Atlantic — Friends
6. James Arthur — Never Let You Go
7. DJ SMASH, Poet — АТМА
8. Lifehouse — You and Me
9. Наталья Гордиенко — На синих озерах
10. One Direction — Last First Kiss

Глава 1

Витя

Наши дни

Антон мерил шагами коридор больницы, скрупулезно разглядывая плакаты на стенах. А там чего только не было: и описание вирусов, в том числе передающихся половым путем, и болезни ЖКТ, и многое другое. Заголовки словно кричали: «Посмотри, вокруг полно опасностей!» Мой лучший друг заметно нервничал, держа руки в карманах потертых синих джинсов, рассматривая эти плакаты. Он громко вздыхал, то и дело облизывал губы и поглядывал на дорогие часы у себя на запястье. С Антоном мы случайно сблизились, хотя, пожалуй, это была та случайность, за которую можно благодарить судьбу. После школы я уже и не думал, что найду настоящего друга, с которым и в огонь, и в воду, и на сумасшедшие приключения. И тут Леваков... Я, когда с ним впервые познакомился, скривился. Нет, дело было не во внешности — с этим у друга проблем

как раз не имелось. А вот в характере обнаружилась та самая перчинка, которая меня и оттолкнула. Антон слишком сильно заострял внимание на мнении окружающих, даже больше — он словно заикливался на нем. Обычно я с такими ребятами дружбу не водил.

Но все изменила Юля — «комета Галлея»! Таких, если захочешь, и найти не сможешь. Однако Антону повезло. После знакомства со Снегиревой он изменился, перестал быть зависимым от людей вокруг, от денег своей родни и, как вишенка на торте, — мы стали лучшими друзьями. Наверное, за это тоже стоило поблагодарить Юльку.

— Ну чего они так долго? — пробурчал Леваков, устало посмотрев на меня. Он запрокинул голову к белому потолку, вглядываясь в него. Воздух вокруг пропитался спиртом и хлоркой, но Антону это не мешало глубоко вздыхать.

— Да это всего лишь ушиб, что ты как мамочка? — сказал я и усмехнулся, покачивая ногой. Стулья в коридоре ожидания были неудобными, пусть и новыми.

В кармане завибрировал мобильный. Марина любезно напоминала, что вечером у нас с ней свидание. Она была из тех девушек, которых можно отнести к категории «лайт»: не напрягала своими звонками, просьбами погулять, и наши отношения были ближе к свободным, что меня в целом устраивало. А вот отец, наоборот, твердил — давай, не теряйся там, нам бы не помешали такие партнеры,

ведь Леонова из очень состоятельной семьи. Ее старик не последний человек в городе.

— Если бы ты любил хоть одну свою девушку, то вел бы себя иначе, — пробурчал недовольно Антон.

— Любовь придумана для таких, как ты и Снегирева. Всем остальным можно и без любви, — отмахнулся я. Вызов от Марины не принял, решил отложить томные разговоры на потом.

— О! Юля! — воскликнул Леваков, когда Снегирева вышла из кабинета вместе с доктором. Невысокая худенькая девушка с карими глазами, в которых, казалось, поселилось солнце. Пшеничные волосы завязаны в пучок, а кремовое вязаное платье чуть выше колен испачкалось и кое-где даже порвалось. Втроем мы здесь оказались по случайному стечению обстоятельств. Я ехал от отца домой, остановился на светофоре, а Юлька, поскользнувшись, упала посреди дороги буквально перед капотом моего автомобиля. Декабрь выдался достаточно скользким, так что ничего удивительного. В новостях частенько писали о ДТП или сбитых пешеходах, администрация города даже установила специальные светофоры с мигающими человечками, видимо, надеясь, что помогут жителям. Однако и от них толку было мало.

Снегирева умудрилась неплохо приложиться об асфальт. У меня, когда увидел ее, сердце ухнуло в пятки, но я тут же выскочил из машины, помог Юле подняться, усадил на заднее сиденье и повез

в клинику. Как позже выяснилось, у Левакова здесь работал знакомый главврач, так что нас быстро приняли, а потом и сам Антон подъехал — взволнованный, запыхавшийся, из ушей чуть ли не пар шел. Да и я перепугался, что греха таить, но травма, к счастью, оказалась несерьезной.

— Спасибо, Евгений Михайлович, — поблагодарила Юля и улыбнулась доктору. На вид мужчине было лет сорок: долговязый, с короткими редкими русыми волосами и волевым подбородком. Выглядел он уставшим, словно не спал уже вторые сутки, хотя, может, так оно и было, дежурства у врачей никто не отменял.

Юля, хромая, подошла к свободным стульям и присела на один из них.

— Ну, ты как? — Антон подскочил к девушке, сел рядом и стал разглядывать с ног до головы. Фанатик, ей-богу.

— Нормально, не переживай, — ответила Юлька. — Мне мазь выписали, сказали, пару дней, и буду снова порхать как бабочка. Вить, — обратилась Снегирева ко мне. Я виновато улыбнулся девушке, отмечая про себя, какая все-таки она позитивная и улыбчивая. Даже странно, что мы тогда с парнями посмеивались, кличку дали ей. Глупость, конечно. И пусть изначально Снегирева мне вообще не нравилась, но, когда мы с Антоном устроили план-захват женского сердца, даже я проникся к этой девушке дружеской симпатией.

— Да, моя дорогая, — в типичной манере ответил я, за что получил от Левакова подзатыльник.

— Вить, спасибо тебе, с меня причитается. Слушайте, — с энтузиазмом воскликнула Снегирева, переключаясь. Видимо, посетила очередная идея. В этом вся Юлька — в ней было столько энергии, что я бы не удивился, если бы она однажды решила улететь на Марс открывать новые территории.

— А давайте у нас соберемся на днях? Я приготовлю чего-нибудь вкусенького.

— Ему вредно вкусенькое, — произнес Антон, а во взгляде читалась ревность.

— Ты на диете? — спросила девушка, удивленно взглянув на меня.

— Ему Алиночка будет готовить сладости.

— Мариночка, — поправил я, усмехнувшись.

Хотя Леонова не умела готовить, от слова «совсем». Все, на что ее хватало, — это разогреть в микроволновке еду из своего ресторана. Даже с простеночкой яичницей не справлялась.

— Опытная кошка, — продолжал Антон.

— Опытная львица, братишка, — кривлялся я.

Да, Маринка была старше меня на пять лет, но с ней и проще, чем с ровесниками.

— О, это же... — Леваков перевел взгляд в сторону длинного полупустого коридора и резко замолчал. Я не сразу понял, чему он так удивился, но, когда проследил за направлением его взгляда, и сам чуть не задохнулся. Мир вокруг неожиданно

перестал существовать, казалось, кто-то поставил его на паузу.

— Рита... — прошептал я себе под нос. Она шла в длинном пальто и обтягивающих джинсах. Романова теперь носила джинсы? Хотя, когда я видел ее недавно, с месяц назад, тогда она тоже была одета довольно современно. Но не это ввело меня в ступор. Рита вела за руку по больничному коридору мальчишку лет пяти. Они о чем-то мило переговаривались, и Романова улыбалась мальчику так искренне, словно за этой улыбкой скрывалась любовь размером с целую планету.

В груди болезненно кольнуло. Я всегда напрягался, стоило только заметить где-то Марго. Вроде два с половиной года прошло, чувства давно сгорели, вернее, я их спрятал подальше, закрывая сердце на тысячу замков, однако каждый раз, когда случайно видел Риту, мне почему-то становилось не по себе. В памяти вспыхивал выпускной, ее безразличный взгляд, поцелуй в щеку и съехавшее платье.

— Рита? — спросила Юлька, всматриваясь вдаль. — Что за Рита?

— Это ее ребенок что ли? — вопрос Антона ввел меня в ступор. Сперва я и сам подумал, что Романова обзавелась сыном — мальчишка был очень на нее похож. Но потом понял, как это глупо звучало. Какой сын? Нам всего по двадцать, а малому на вид не больше пяти. Однако сердце все равно неприятно пронзило, словно от острого осколка. Болезненные воспоминания давным-давно должны

были превратиться в пепел, сгореть вместе с моими чувствами. Я ненавидел Риту за всю ту боль, которую она причинила мне, за предательство, за надежду, которую подарила, а затем забрала.

— Не говори ерунды, — буркнул я, стараясь успокоиться, но взгляд от девушки отвести почему-то не смог. Особенно от ее улыбки. Такой она казалась нежной, солнечной, а меня давно ничего не подпитывало. Жизнь, будто хрустальный сосуд, сломалась после выпускного, я смирился и просто плыл по течению. А сейчас увидел эту улыбку — и все... словно ножом полоснули.

— Да кто она такая? Вить, неужели это... та самая? — осторожно спросила Юлька.

Я поднялся, решив уйти. Сидеть здесь и смотреть на Романову было невмоготу. Каждый раз при виде нее вены словно кипятком наливались. Но тут вдруг Рита повернулась и замерла. Глаза расширились, в них промелькнуло что-то до боли знакомое, давно забытое и очень печальное. Наверное, так выглядят потухшие звезды, когда превращаются в пыль.

Мальчишка дергал ее за руку, явно требуя к себе внимания. И Марго наконец-то посмотрела на него, что-то сказала, а затем, еще раз коротко взглянув на меня, они двинулись к выходу.

Не знаю, сколько я простоял, не в состоянии даже вдохнуть полной грудью. В голове, словно кадры из киноплёнки, мелькали моменты нашего прошлого: ее улыбка, заставляющая сердце оста-

навливаясь, жизнерадостный голос, звонкий смех. Все это теперь казалось каким-то неестественным, словно я выдумал эти проклятые воспоминания. Они, подобно яду, отравляли мою жизнь.

В реальность меня вернул главврач, тот самый Евгений, что помогал Юльке. Вернее, не он вернулся, а его разговор по телефону. Да и Риты уже не было в коридоре.

— Не переживайте, Маргарита, можете прийти на обследование через месяц, ничего страшного. У вас никаких обострений, все хорошо, в принципе. Это же плановая процедура.

Я озадаченно посмотрел на мужчину — уж больно любопытно стало, что это за ребенок ушел с Ритой. На посторонних детей так обычно не смотрят, как смотрела Романова. Кто он такой, в конце концов? Вряд ли она подрабатывала няней или взяла кого-то на попечение. Все эти предположения граничили с абсурдом.

— А вы чего еще здесь? — обратился Евгений Михайлович к нам, засунув телефон в карман белого халата.

Ребята переглянулись, явно не зная, что ответить.

— Да мы это... — начал было Антон, но не договорил.

— Скажите, а вы случайно не с Романовой Маргаритой разговаривали? — набравшись наглости, спросил я. Возможно, не стоило задавать этот вопрос, берeditь старые раны себе дороже, но случались порывы, которые невозможно остановить, со-

владать с ними. Вот как тогда, через неделю после выпускного вечера. Думал, отпустит, сделаю себе легче, но не опустило, легче не стало, наоборот, словно яду напился, а тот, по злему року, не подействовал.

Говорят, нет ничего ужаснее, чем выстрел в спину. Но предательство от любимого человека в разы хуже. Это выстрел прямо в лоб. После которого мир вдруг становится старым выцветшим снимком на полароиде. Нет, не мир, а ты сам.

— С ней самой. Вы знакомы? — с удивлением спросил врач. Я постарался сконцентрироваться на разговоре и не думать о плохом.

— Ну... типа того, — ответил я, хотя, может, это было не лучшей идеей.

Зачем я лезу в это? Да какая, собственно, разница, чьего ребенка Рита вела за руку? Пусть даже и замуж вышла, что с того? Ее жизнь не остановилась, моя тоже. Мы существовали раздельно, хоть и жили в одном городе. Каждый раз я напоминал себе об этом, и каждый раз, как бы смешно ни звучало, мне становилось не по себе от этих мыслей. Парадокс какой-то.

— Дядь Жень, а она приходила с сыном? Она такая молодая, — спросил очередную глупость Леваков, пока я сомневался, нужна ли мне новая информация о девушке, которую когда-то любил и которую всем нутром сейчас ненавидел.

— Это брат ее, Матвей. У него с сердцем проблемы были...

Искры снега

— Брат? Родной брат? — откровенно говоря, я удивился. За год наших отношений в разговорах ни разу не всплывала информация о брате. Хотя мы знали друг о друге все. Или мне так казалось.

— Брат, родной или нет, не знаю, — пожал плечами Евгений, задумчиво потирая подбородок. — Фамилия у них одна, по крайней мере. Рита иногда приводит Матвея на плановые обследования, а иногда ее мать. Он состоит у нас на учете с этого года. А до этого состоял во второй городской, но там сейчас ремонт и всех пациентов перевели к нам.

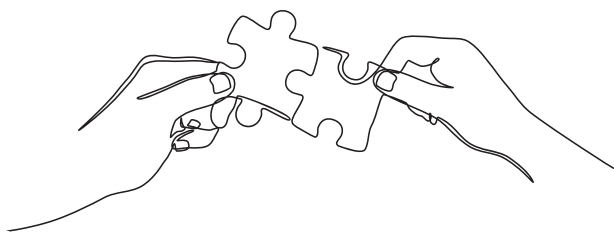
— Понятно, — сказал Антон.

Только мне ничего не было понятно. У Марго откуда-то взялся брат, и не просто брат, а больной, с довольно серьезным заболеванием. Почему она тогда ничего не рассказала, я ведь... Понятно почему, видимо, считала меня посторонним человеком. Зато теперь ясно, почему она так легко уехала с Мишей, позволила ему себя трогать. Кажется, в наших отношениях я был единственным без мозгов.

Я сглотнул и, опустив голову, уставился на свои зимние кроссовки. А в груди будто микровзрывы происходили. Забавно... Мне казалось, что я отпустил эту ситуацию, перелистнул страницу. Но почему тогда...

Почему меня продолжает задевать эта девушка?!

Глава 2

Витя

Мы вышли из больницы молчаливой тройкой. Небо заволокло свинцовыми тучами, а стая ворон, кружившая возле здания, громко каркала, словно насмехаясь над этим миром. Антон держал Юльку под руку, а я просто старался прийти в себя и перестать прокручивать в голове проклятую встречу с Ритой: печальный взгляд, брошенный в мою сторону, и нежная улыбка, адресованная брату. Она посмотрела на меня так, словно я предатель и причинил ей столько боли, что жизнь окрасилась в черно-белые тона.

Мы не пересекались почти три года, я видел Романову лишь издали, более близко не сталкивался. И как хорошо было раньше: я быстро остывал после встречи, быстро возвращался к своей обыденности, но сейчас почему-то никак не мог успокоиться. Все вокруг бесило: звуки машин, голоса людей, радио, которое включил Леваков, усаживаясь на пассажирское сиденье.

— Где твоя машина, братишка? — спросил я, не выдержав.

— В сервисе, переобуться отдал.

— Все в ноябре переобулись, а ты самый умный что ли? — я ворчал, словно старый дед. Мы выехали с парковочной зоны, охранник в маленькой старой будке у шлагбаума недовольно окинул нас взглядом. Что же, я тоже был не особо в настроении. Спустившись до ближайшего перекрестка, мы выехали на центральную трассу. Будь моя воля, прибавил бы скорость, пока обороты на спидометре не стали бы зашкаливать. Но час пик и загруженная городская трасса не позволяли эмоциям взять верх. Как назло, когда мы остановились на светофоре, перед моим носом еще нагло вывернула длинная камри. Захотелось высказаться трехэтажным матом. Что за день?!

— Дядька мне просто по благу местечко выделил. Он, кстати, недавно о тебе спрашивал. Говорит, Витя пропал, не звонит, не пишет.

— А что я ему, девочка, звонить или писать?

— Ну, с днюхой-то мог поздравить, — не унимался Леваков, то и дело поглядывая назад, на свою ненаглядную Юльку.

— Я его поздравил.

— Через неделю.

— Слушай, лучше поздно, чем никогда, — возмутился я, нервно отбивая пальцами по рулю. Когда уже загорится зеленый?

Ладно, с дядькой — мы так Леонидыча называли — действительно вышло некрасиво. Он мне помог три года назад.

Я тогда ходил подавленным и постоянно зависал в клубах, теряя себя настоящего. Пытался заглушить тоску по Рите и искал всевозможные способы — правда, папе они не нравились. Один раз поругались, второй... На десятый старик выдвинул ультиматум: либо я заканчиваю убивать свою жизнь, либо он лишает меня денег и крыши над головой. Другой бы одумался, а я усмехнулся, взял дорожную сумку и пошел куда глаза глядят.

В юности почему-то кажется, что побег из дома — это решение любой проблемы. А желание родителей уберечь нас воспринимается в штыки. Что они понимают? Не у них же сердце истекает кровью? И вообще, вместо того чтобы пытаться научить нас мириться с собственной участью, могли бы дать свободу выбора и денег. Именно так кажется, когда по паспорту восемнадцать, а в душе и того меньше. Я не был исключением. Юношеский максимализм вперемешку с депрессией одержали верх.

Сперва я отправился в клуб, потом познакомился с какой-то девчонкой, переночевал у нее. Иногда заглядывал к старым знакомым, но все до поры до времени, конечно. Как только купюры закончились, я вдруг осознал, что никому не сдался со своими проблемами. Помню, один раз уснул на лавке в парке Анджиевского, укрывшись курткой. Наутро меня растолкали полицейские и увезли

погреться, как раз сильный холод стоял, так что я даже обрадовался.

Выпустили меня через три дня, я тогда взглянул на пасмурное небо и озадачился — как быть дальше? Знал: если вернусь к отцу, он не прогонит, но почему-то стало стыдно. Оглядел себя: порванная обувь, грязный, с запашком, небритый, в таком виде заявиться на порог — словно милостыню просить. А это как-то... выше моей гордости.

И тут, на мое счастье, у одного мужчины машина заглохла. Старенькая Волга забарахлила, и он никак не мог ее завести. Я подошел, предложил подтолкнуть, а там, как-то слово за слово, пожаловался на свою жизнь, на девушку, которую продолжал любить, несмотря на предательство, как мне плохо, как не хочется ничего, лечь бы и умереть. Дядька дал мне подзатыльник и пригласил к себе в гараж. Там чаем напоил с бутербродами, одежду свежую принес, но взамен попросил помощи. Ему нужен был сотрудник в сервис, ответственный, серьезный, честный.

Недолго думая, я согласился, скорее из чувства благодарности: не каждый день встретишь такого сердобольного человека на улице. Леонидыч выделил мне матрас, сказал, мол, на улице холодно, а выгонять бездомных котят против его убеждений. Считай, тогда и произошел переломный момент: я словно снял морок с глаз, очнулся, вдохнул свободнее. Вернулся к учебе и стал самостоятельно зарабатывать, дядьке помогал, а он мне платил

не только крышей, но и бумажками. Там, конечно, были гроши, уж на фоне тех, что давал папа в былые времена, но зато свои, доставшиеся за тяжелую работу.

Когда начинаешь зарабатывать сам, то как-то и сто рублей воспринимаешь иначе.

Через год я все-таки помирился с отцом по воле случая: он к нам в сервис заехал, увидел меня и ахнул. Мы разговорились, и я честно признался во всем. Так стыдно было, хоть на глаза повязку надей. Старик обомлел, и, устало вздохнув, выдал, какой у него сын глупый. Я не мог не согласиться. Сколькo ошибок по глупости наделал, даже смешно. Так мы и помирились. Я вернулся домой, ушел из автосервиса, перекочевав к отцу в фирму. Но поступок дядьки до сих пор помнил и при каждом удобном случае заезжал к нему, презенты таскал, тем более Леонидыч на себя деньги жалел, отдавая все в семью. Но сладкоежкой был тем еще — от конфет никогда не отказывался. Я, в свою очередь, старался его баловать сладостями, правда, всегда брал больше, чтобы и детям передать. Хороший все-таки он мужик, таких почти не осталось.

— Мне эта вторая поликлиника никогда не нравилась, — донеслось до моего слуха.

Я вернулся из воспоминаний, посмотрев в зеркало заднего вида. Снегирева о чем-то с задумчивым видом размышляла, разглядывая зимние улочки. Она постукивала пальчиком по нижней губе, словно прокручивала какие-то важные кадры в голове.